

АНГЕЛИНА БЕРРИ



ЖЕНА  
для  
ЗВЕРЯ

Ангелина Берри  
**Жена для зверя**

«Автор»

2026

**Берри А.**

Жена для зверя / А. Берри — «Автор», 2026

Я вышла замуж за монстра, чтобы спасти свою деревню. Думала, я нужна ему, чтобы не скучать в своём одиноком тёмном замке. Но всё оказалось намного хуже. На нём лежит проклятие, которое вот-вот вырвется и положит конец всему, что мне дорого. А цена спасения... моя кровь? Так почему же этот зверь требует не моей смерти — а моей любви?

© Берри А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1. Чужая земля              | 7  |
| Глава 2. Зверь                    | 10 |
| Глава 3. Невольница               | 13 |
| Гл                                | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

# Ангелина Берри

## Жена для зверя

### Пролог

#### **Пепел ещё не остыл.**

Элин стояла на коленях посреди выжженного поля и чувствовала запах смерти. Трава, которая ещё утром была зелёной, теперь превратилась в серую золу, прибитую к земле холодным дождём. Вокруг — ни души. Только чёрные остовы домов на горизонте, там, где ещё вчера стояла соседняя деревня.

Их сожгли за один час.

Она подняла голову. Небо затянуто тучами, но в разрывах облаков уже проступали первые звёзды. Вечерело. А значит, скоро он приедет.

*Тот, кто это сделал.*

Тот, кто дал её старейшинам ультиматум: через тридцать дней он уничтожит их деревню, как уничтожил все остальные. Или они отдадут ему самую красивую девушку в жёны.

Выбор был недолгим.

— Элин.

Она обернулась. Отец стоял в трёх шагах — седой, сгорбленный, с глазами, которые уже выплакали всё, что можно. Он держал в руке венок из полевых цветов. Обручальный. Ей должны были его надеть завтра на рассвете.

— Вставай, дочка, — голос отца дрогнул. — Он едет.

Элин поднялась, отряхнула юбку. Белое платье — единственное, что уцелело в деревне, свадебное платье её матери — уже покрылось серыми разводами пепла. Ей было всё равно.

— Ты не обязана, — тихо сказал отец. — Мы можем сражаться.

— Тремя вилами и молитвой? — Элин усмехнулась. — Нет, отец. Я согласилась.

Она не сказала ему главного: что не боится чудовища. Не боится смерти. Боится только одного — темноты. Но об этом никто не знал. И не узнает.

За лесом раздался конский топот. Тяжёлый, размеренный, как битва барабанов.

— Иди, отец, — Элин выпрямила спину. — Я справлюсь.

Он поцеловал её в лоб и ушёл, не оглядываясь.

Она ждала у обочины.

Всадник выехал из леса, и даже в сумерках Элин поняла: это не обычный человек.

Он был огромен. Плечи — под стать медведю, руки — толще её талии. Лицо скрывал глубокий капюшон, но глаза горели из-под него алым ровно и жутко. Конь под ним вороной, с красной сбруей — казался таким же монстром, как хозяин.

Он остановился в трёх шагах от неё. Спросил не «ты — невеста?» и даже не как тебя зовут. Просто:

— Готова?

Элин подняла подбородок.

— А у меня есть выбор?

Он не ответил. Протянул руку — грубую, в шрамах — и рывком поднял её на коня, усадив позади себя.

— Держись.

Она не успела возразить. Конь рванул с места, и Элин, потеряв равновесие, вцепилась ему в пояс. Сквозь ткань плаща чувствовалось его тело — горячее, живое, нечеловечески твёрдое.

*Не думай об этом. Просто держись.*

Они скакали через лес. Мелькали деревья, лужи, корни. Элин зажмурилась, пытаясь не смотреть на темноту между стволами. Но когда луна спряталась за облаками, и лес стал совсем чёрным — она не выдержала.

Сама не зная как, она вжалась лицом ему в спину. Пальцы судорожно вцепились в его плащ.

— Отпусти, — бросил он через плечо. — Не задушу.

Она не отпустила.

Тогда он резко осадил коня, прыгнул, и прежде чем Элин поняла, что происходит — схватил её за талию и пересадил вперёд, перед собой.

— Теперь ты видишь дорогу, — прорычал он ей прямо в ухо. — А я вижу тварей. Мы въезжаем на мою землю.

— На проклятую? — выдохнула она.

— На мою.

Он обхватил её руками — слишком близко, слишком интимно — и снова пустил коня в галоп.

Теперь она сидела в кольце его рук. Чувствовала его дыхание на своей шее. И не могла понять, что страшнее — темнота вокруг или его близость.

У замка они остановились у самого рва.

Элин подняла голову и замерла. Чёрные башни уходили в небо, острые шпили пронзали облака. Замок был мрачным, мёртвым — и в то же время живым. В окнах горел свет. Там, за стенами, кто-то был?

— Спешивайся.

Он прыгнул первым и подал ей руку. Элин не приняла её — сползла с коня сама, едва не упав.

Он усмехнулся. Впервые.

— Гордая.

— Умная, — ответила она. — Гордость убивает. Ум — спасает.

— И что же спасёт тебя здесь?

Элин промолчала. Она не знала.

Он шагнул к ней — так быстро, что она не успела отступить. Схватил за подбородок, заставив смотреть в свои красные глаза.

— Ритуал, — сказал он глухо. — Замок не примет жену без обещаний. Целуй.

— Что?..

— Целуй, или ночуешь во рву с гарпиями.

Элин закрыла глаза.

Она не хотела. Каждая клетка её тела кричала «нет». Но она думала о деревне. Об отце. О людях, которые остались там — живые, благодаря её согласию.

Она встала на цыпочки и коснулась его губ.

Это был не поцелуй. Это была сделка. Холодная, сухая, без капли тепла. Он ответил — жёстко, даже грубо — и что-то щёлкнуло в воздухе. Ворота замка со скрежетом открылись.

— Добро пожаловать домой, жена, — прошептал он ей в губы. — Теперь ты моя.

Элин стёрла ладонью его прикосновение и, не оглядываясь, пошла вперёд в темноту замка, которую боялась больше всего на свете.

## Глава 1. Чужая земля

Замок встретил её тишиной.

Не той мирной тишиной, когда можно выдохнуть. А той — тягучей, давящей, когда кажется, что стены слышат твои мысли и осуждают их.

Элин шагнула за порог и замерла.

Главный зал был огромен и пуст. Высокие сводчатые потолки терялись во мраке, лишь изредка в них вспыхивали отблески факелов. Каменный пол скрипел под ногами — не от грязи, а от времени: плиты покоробились, кое-где зияли трещины, похожие на шрамы.

*Это место умирало, — подумала Элин. — Или уже умерло.*

— Идём, — бросил Берион через плечо и зашагал куда-то вглубь.

Она пошла за ним, стараясь держаться на расстоянии вытянутой руки. Слишком близко — опасно. Слишком далеко — потеряется в этом лабиринте.

Они миновали три коридора, две лестницы и одну анфиладу комнат, прежде чем Берион остановился у тяжёлой дубовой двери.

— Твои покои.

Он толкнул дверь, и Элин вошла внутрь.

Комната оказалась небольшой, но с высоким потолком. В центре — огромная кровать под балдахином, справа — камин, в котором уже горел огонь. Слева — зарешёченное окно.

Элин сразу поняла, что здесь не будет спать.

Потому что в углах был мрак.

Камин давал света ровно настолько, чтобы осветить середину комнаты. Всё, что было за кругом — стены, дверь, углы — тонуло в чёрной, живой темноте. Элин показалось, что она смотрит на неё. Дышит.

— Корсет затягивать некому, — он скользнул по ней равнодушным взглядом. — Причёмски делать тоже. Камеристок я не держу.

Он развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и щёлкнул замок.

*Запер.*

Элин осталась одна.

Она не села. Не разделась. Не подошла к кровати.

Вместо этого она села на пол у самого камина — там, где было больше всего света — и обхватила колени руками. Глаза расширились, впиваясь в каждый угол, каждую тень. Если не моргать — можно заметить, как темнота двигается.

*«Я справлюсь, я справлюсь, я справлюсь»* — повторяла она про себя, как заклинание.

Она не знала, сколько прошло времени. Час? Два? Пламя в камине начало угасать, и тьма подступала всё ближе.

Когда остался только свет углей, Элин поняла: так нельзя.

Она встала на дрожащие ноги и шагнула к двери. Дёрнула ручку. Заперто.

Но в замке что-то щёлкнуло, и дверь поддалась.

Элин высунулась в коридор — и едва не зажмурилась от неожиданности.

Здесь хотя бы светло.

Луна, огромная и белая, заливала коридор сквозь высокие стрельчатые окна. Каждый каменный выступ, каждую трещину было видно. Ни тени, ни мрака — только серебряный свет.

Она шагнула за порог. Потом ещё. Медленно пошла.

Коридор тянулся вдоль всего замка, окна сменяли друг друга, и везде было светло. Элин шла, не разбирая дороги, — туда, где лунный свет казался ярче. Она смотрела на своё отражение в тёмном стекле, на силуэты деревьев за окнами и почти забыла о страхе.

Почти.

А потом часы в замке пробили полночь.

И что-то зарычало.

Это был не просто звук — это была волна. Низкая, вибрирующая, она прошла сквозь Элин, заставив зубы заныть, а сердце — пропустить удар. Рычание шло откуда-то снизу, из подземелья, и в нём было столько злобы, голода и боли, что Элин перестала дышать.

Она побежала.

Не помня себя, не разбирая поворотов, просто прочь — от этого звука, от этой темноты, что снова сгущалась в углах. Ноги сами несли её вверх по лестнице, потом мимо витражей, потом ещё выше.

Рычание стихало. С каждым пролётом — всё тише, всё глуше.

И наконец она выскочила в башню.

Здесь тоже было светло. Луна заглядывала в огромные окна, дробясь на тысячу осколков от битых витражей. В башне пахло пылью, старым камнем и чем-то ещё — горьким, как полынь. Рычания почти не было слышно.

Элин прислонилась к стене, пытаясь отдышаться.

— Забрела, куда не следовало, — раздался голос из темноты.

Она вздрогнула.

В нише, почти сливаясь со стеной, стоял человек. Нет — не человек. Слишком кривые пропорции, слишком длинные руки, горб, который никак нельзя было спрятать под плащом. Капюшон скрывал лицо, но Элин чувствовала — на неё смотрят.

— Это башня покойной матери хозяина, — продолжил он. Голос у него был странный — скрипучий, как несмазанные петли. — Погибла вскоре после проклятия. Хозяйкой здесь была. Недолго.

Элин хотела что-то сказать, но горбун шагнул к ней — и она сорвалась с места.

Вверх по винтовой лестнице, подальше от него, подальше от этого голоса, подальше от всего. Ступени мелькали под ногами, где-то внизу раздался топот — он бежал за ней? — но Элин не оборачивалась. Только вперёд, только вверх.

Она вжалась в узкую щель между лестницей и стеной, зажмурилась и замерла.

И тут же услышала — снизу, с площадки:

— Фил.

Это был Берион. Его голос — низкий, тихий и очень опасный.

— Да что ты себе позволяешь, а? — металл в каждом слого. — Не видишь, что это хозяйка?

— Да я... — голос горбуна вдруг стал жалким, растерянным. — Я только...

— Молчать.

Тишина. А потом тяжёлые шаги вверх по лестнице. Элин сжалась, понимая, что сейчас её найдут. И нашли.

Берион навис над ней — огромный, чёрный на фоне луны. Красные глаза горели в полумраке.

— Пошли, — бросил он коротко. — Тебе здесь нечего делать.

Он не протянул руку. Не коснулся. Просто развернулся и пошёл вниз.

Элин, дрожа всем телом, выбралась из щели и побрела за ним.

Они вернулись в её покои молча. Берион толкнул дверь, пропуская её внутрь, и уже взявшись за ручку, чтобы закрыть, вдруг сказал:

— Филя не бойся. Он больше не придёт.

— А тебя? — сорвалось с губ.

Он усмехнулся — той же кривой усмешкой, что у ворот.

— А меня — бойся.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул.

*«Он запер дверь снаружи. Чтобы я не вышла. Или чтобы никто не вошёл?»*

Ответа не было.

Элин осталась одна. В комнате, где камин почти погас. И только на столике у кровати стоял кувшин с водой — там, где раньше его не было.

Она не помнила, чтобы кто-то заходил.

— Нечистое место, — прошептала она, но воду выпила.

## Глава 2. Зверь

Она не помнила, как заснула.

Элин открыла глаза и поняла, что лежит на кровати поверх одеяла, в том же белом платье, что и вчера. Камин прогорел, но сквозь окно уже пробивался бледный утренний свет, и темнота отступила туда, где ей и положено быть: в углы.

*Я не ложилась, — подумала она, садясь. — Я сидела у камина...*

Она помнила, как вернулась из башни. Помнила, как пила воду из кувшина, которого раньше не было. А потом — пустота.

Элин потрясла головой.

*Не важно. Важно то, что я жива.*

Она встала и подошла к окну. Замок встречал новый день. Внизу, во дворе, ни души. Серая мостовая, чёрные стены, чахлое дерево у самого рва. И лес вдалеке — такой далёкий, что казалось, будто она смотрит на него через подзорную трубу.

*Дом там, — напонила она себе. — За этим лесом.*

Элин отвела взгляд и оглядела комнату.

При свете дня её покои выглядели иначе. Комната оказалась больше, чем выглядела ночью. Стены из грубого серого камня кое-где увешанные поплёкшими гобеленами с охотничьими сценами. Мебель массивная, тёмная, точно вырубленная из цельного дерева. В нише у окна туалетный столик с зеркалом в трещине.

И на столике новое платье.

Тёмно-синее, из плотной шерсти, с серебряной вышивкой на рукавах. Не свадебное. Не белое. Простое, но дорогое.

Элин провела пальцами по ткани.

*Вчера его здесь не было.*

Она оглянулась — кувшин и таз исчезли. Как и не бывало. Вместо них на полу стояли кожаные туфли как раз её размера.

— Нечистое место, — повторила она вчерашний шёпот, но платье взяла.

Она нашла столовую по запаху.

Горячий хлеб, мясо и ещё что-то пряное... Элин шла на этот аромат, как слепая на голос. Где-то в глубине замка гудели трубы, но вокруг по-прежнему не было ни души.

Столовая оказалась такой же мрачной, как и всё здесь: длинный дубовый стол на два десятка персон, высокие стрельчатые окна, люстра с оплывшими свечами.

И Берион.

Он сидел во главе стола, один, в тёмном камзоле, с растрёпанными волосами. Перед ним стояла тарелка с недоеденным мясом и кубок, наполненный чем-то красным.

Он поднял глаза, когда она вошла.

— Жива, — не вопрос. Утверждение.

— Как видите.

Элин села на самый дальний край стола — подальше от него. Но он только усмехнулся и кивнул на стул справа от себя.

— Иди сюда. Я не кусаюсь. Пока.

Она не двинулась.

— Я сказал — иди.

В его голосе не слышалось угрозы. Слышалось что-то похуже — привычка приказывать и уверенность, что ослушаться не посмеют.

Элин посмела. Осталась на месте.

Он смотрел на неё несколько долгих секунд. Красные глаза скользили по ней, изучали, будто пытались заглянуть под кожу. А потом он... рассмеялся. Коротко, хрипло.

— Хорошо. Ешь, где хочешь.

Перед ней, откуда ни возмись, появилась тарелка с яичницей, хлебом и тонким ломтиком сыра. Элин не заметила, кто принёс. Может, никто.

Она ела молча. Он тоже молчал. Тишина стояла такая плотная, что слышно было, как за окном шуршит ветер.

Когда она закончила, он заговорил снова.

— К башне моей матери не ходи больше, — ровно, без эмоций. — Там... небезопасно.

— Тут нигде не безопасно, — ответила она, отодвигая тарелку.

— Нигде. Но там — особенно.

Он встал из-за стола, не договорив, и вышел. Не оглянувшись.

Элин осталась одна в пустой столовой, чувствуя, как колотится сердце.

*Почему он не разозлился в ответ на ослушивание?*

Вопрос остался без ответа.

Она решила осмотреть замок. Всё-таки ей тут предстоит жить.

Днём он не казался таким страшным. Коридоры были широкими и светлыми — солнце заглядывало в каждое окно, разгоняя тени по углам. Элин шла медленно, запоминая повороты, отмечая двери и лестницы.

Где-то на втором этаже она наткнулась на библиотеку.

Дверь была приоткрыта, и Элин заглянула внутрь. Пыльные стеллажи уходили под потолок, по центру стоял тяжёлый стол с канделябром. И на столе лежала книга.

Не просто книга. Она притягивала взгляд — тяжёлая, в чёрном переплёте, с серебряными застёжками.

Элин шагнула внутрь.

— Хозяйка, — раздался за спиной скрипучий голос.

Она обернулась. Фил стоял в дверях, трудно не узнать: горбатый, скрюченный, скрытый под плащом. Но сегодня он не прятался, и она разглядела лицо — морщинистое, асимметричное, с глазами разного цвета.

— Ты...

— Книгу смотрели? — Фил кивнул на стол. — Берите, берите. Хозяин не разрешает, но... — он оглянулся и шепнул: — Не всё, что запрещено, вредно.

Элин не сдвинулась с места.

— Зачем... ты это делаешь?

— Тяжко мне, хозяйка, — он склонил голову набок, будто птица. — И хочется, чтобы проклятие пало. Оно и меня уродовало, знаете ли. Когда-то я был красивым.

Она не поверила, но кивнула и заставила себя улыбнуться.

— Там написано, как его снять?

— Пишут, — уклончиво ответил Фил. — А вы почитайте. Только осторожнее. Хозяин...

— Фил!

Голос Бериона ударил, как плеть.

Элин обернулась. Он стоял в дверях — шире, чем минуту назад, плечи раздалились, пальцы сжимали косяк так, что камень пошёл трещинами. Глаза уже не горели алым — кипели, переживаясь, как расплавленный металл.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у Фила спокойно. Слишком спокойно. От этого спокойствия Элин стало страшно.

— Я... я просто...

— Что ты здесь делаешь?

Фил попятился.

— Книгу подал, господин... Я думал, хозяйке будет полезно...

— Полезно? — Берион шагнул вперёд, и Элин увидела, как меняется его лицо. Скулы заостряются, челюсть выдвигается вперёд, на лбу проступают тени — не тени, что-то под кожей, что-то живое и чужое. — Ты не смеешь ничего решать за меня. Ты — песок под моими ногами. Песок!

Он схватил Фила за горло.

Слуга захрипел, забился, лицо посинело. Берион поднял его над полом — одной рукой — и его собственная кожа пошла рябью, будто под ней двигались змеи.

Элин замерла.

Она видела, как он теряет человеческий облик. Видела, как зверь рвётся наружу. И поняла, что сейчас, прямо сейчас, если никто не вмешается — Фил умрёт.

— Берион, — сказала она почти шёпотом.

Он не услышал.

— Берион!

Он дёрнулся. И слишком неестественно повернул голову — будто кукла на нитках. Красные глаза смотрели на неё, но не видели. В них была только тьма.

— Отпусти его, — приказала она, хотя голос дрожал. — Пожалуйста.

Он на секунду замер.

А потом разжал пальцы.

Фил рухнул на пол, закашлялся, пополз прочь, волоча ногу. Берион смотрел на свои руки — длинные, с искореженными суставами — и дышал тяжело, как загнанный зверь.

— Элин, — позвал он. Голос сел, сломался. — Элин, не пугайся. Не надо... Подожди.

Она попятилась.

— Не надо бояться, — повторил он, делая шаг к ней. — Я сдержусь. Я... послушай меня.

Тело Элин не слушалось. Ноги сами несли её к выходу, руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле. Она видела, как он меняется — лицо ещё держалось, но тени под кожей плясали, пальцы удлинялись, ногти чернели.

— Не убегай! — рявкнул он уже другим голосом — низким, звериным. — Если победишь — тогда... Элин, станет хуже!

Она побежала.

Она не знала, куда бежать. Коридоры петляли, лестницы вели то вверх, то вниз, окна сменялись глухими стенами. Элин неслась прочь, не разбирая дороги, и за спиной слышала только тяжёлый топот.

Он бежал за ней.

Огромный, наверняка уже не похожий на человека. Она чувствовала его затылком — жар, животный рык, вибрацию каменных плит.

*«Сейчас схватит, сейчас, сейчас...»*

Она свернула за угол, вылетела в длинную галерею. Солнце здесь не бывало — окна выходили во внутренний двор, но и там царили сумерки.

Впереди темнота! И она сгущалась с каждым шагом.

Позади рык. И топот.

Элин встала.

Выбирать было не из чего. Назад — в лапы к зверю. Вперёд — в темноту, которой она боялась больше всего на свете.

Она закрыла глаза и шагнула вперёд.

И тут же чьи-то руки схватили её за талию — стальные, нечеловечески сильные — сжали, ммешая дышать.

— Попалась, — прошипел Берион ей в самое ухо. И в этом «попалась» было всё: и злость, и облегчение, и что-то ещё...

### Глава 3. Невольница

— Попалась, — прошипел Берион ей в самое ухо.

Элин замерла. Сердце колотилось где-то в горле, но она не дрожала, не двигалась, только чувствовала, как его пальцы впиваются в её талию, как его дыхание обжигает шею.

Он дышал тяжело, часто, но уже не рычал, не угрожал. Просто стоял, прижавшись лбом к её затылку..

— Ты... — выдохнул он срывающимся голосом. — Ты молодец, что остановилась.

— Темнота, — еле слышно ответила она. — Я боюсь темноты.

Он издал не то смешок, не то стон.

— Даже больше, чем меня?

Она неуверенно кивнула.

Он усмехнулся — уже более спокойно. Она медленно неуверенно повернулась, встрети-лась с его глазами, в которых всё ещё мерцало что-то звериное.

— Это хорошо. Ночами со мной ты не будешь бояться.

Элин не поняла, что он имел в виду, но по коже пробежали мурашки.

— Идём. — Он отпустил её, сделал шаг назад. — Провожу тебя.

Они пошли молча — по длинным коридорам, мимо залитых луной окон. Берион шёл впереди, не оглядываясь, шаги сбавил, чтобы она успевала. Но она ступала осторожно.

Когда дошли до её двери, он остановился и повернулся. Уже человек, в его чертах не осталось ничего звериного, только глаза ещё светились алым, как тлеющие угли. Он кивнул — не то попрощался, не то утвердился в чём-то — и ушёл, не оборачиваясь.

Элин закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, ещё долго слушала отдаляющиеся шаги. Сегодня она чуть не стала добычей, и кому есть до этого дело? Все, кому она хоть немного дорога, сейчас далеко.

Она вдруг ощутила острую необходимость поговорить с ними, хотя бы... Может, в этом столе найдутся письменные принадлежности?

В этом замке находилось всё. Элин сразу увидела в ящике пергамент и чернила.

Надо было написать отцу. Хотя бы сказать, что жива, что пока цела, что... что ничего страшного не происходит.

Она написала:

*«Дорогой отец, я в безопасности. Муж относится ко мне...»*

И замерла.

Как он относится? Угрожает? Запирает? Гоняется по коридорам с рыком?

Она зачеркнула, начала заново:

*«Не волнуйся за меня. Я справлюсь. Передай привет Каэлю...»*

Каэлю.

Элин отложила перо.

Она представила его лицо, ясные глаза, мягкую улыбку, руки, которые пахли сеном и полем. Такой хороший, добрый, безопасный.

*Почему сейчас так больно думать о нём?*

Она вздохнула, снова взялась за письмо.

*«Каэль, я надеюсь, ты не винишь себя. Это был мой выбор. Я знала, на что шла...»*

Ложь.

Она не знала, на что шла. Не знала, что муж окажется полузверем. Не знала, что замок проклят. Не знала, что темнота в этом замке страшнее, чем любой монстр.

Элин смяла лист.

Потом второй. Потом третий.

Пока в столе не осталось чистого пергамента. Комки бумаги валялись у ног белыми птицами с перебитыми крыльями. Элин уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Не от страха. От бессилия.

Она — заложница. Цена её побега — жизни тех, кого она любит. Отец, Каэль, соседи, старейшины... Все они останутся живы, только если она будет послушной женой чудовища.

А если она сбежит или не сумеет его ублажить, он вернётся и разорвёт их всех.

Элин плакала долго. Слезы текли по щекам, капали на платье, на руки, на истерзанные листы. Она не пыталась их остановить.

Через час — или через вечность — она обессиленно опустилась на кровать, свернулась калачиком и провалилась в тяжёлый сон без сновидений.

Разбудил её стук в дверь.

Короткий, но требовательный.

— Элин? — голос Бериона звучал всё также твёрдо, но непривычно бархатно. — Ужин готов. Пойдём к столу.

Она села, провела ладонями по лицу — щёки мокрые, глаза опухшие. За окном уже сгушались сумерки, комната тонула в сиреневых тенях.

— Иду, — ответила она, удивившись собственной покорности.

Встала, наскоро пригладила волосы, ополоснула лицо водой из кувшина (который снова появился, будто никуда и не исчезал) и открыла дверь.

Берион ждал в коридоре — без камзола, в одной белой рубашке, рукава закатаны до локтей. Шрамы на предплечьях виднелись отчётливо — старые, белые, похожие на следы когтей.

Он посмотрел на неё, на её красные глаза, но ничего не спросил.

— Идём, — только сказал.

И повёл её не в большую столовую, а куда-то вверх — по винтовой лестнице, в маленькую круглую комнату, где был накрыт стол на двоих.

Элин замерла на пороге.

Серебряные подсвечники, алые скатерти, фарфоровые тарелки с золотым ободком. Окна выходили на закатное небо, и последние лучи солнца окрашивали всё в розовый и золотой.

— Проходи, — он отодвинул для неё стул.

Не на дальнем конце стола, а рядом.

Элин села.

Берион сел напротив — нет, не напротив. Рядом. Их локти почти касались.

— Я не знал, что ты любишь, — сказал он, наполняя её бокал красным вином. — Приказал подать всего понемногу.

Она смотрела на него — на его руки, перевитые венами, на скулы, которые совсем недавно заострились почти звериными.

— Вы не обязаны так стараться, — выдавила она.

Он не ответил, перевёл взгляд на пурпурное небо.

— Сегодня я напугал тебя. Мне жаль, что это случилось, прости. Это не то, чего я хотел.

— А чего ты хотел?

Он не ответил сразу. Вместо этого взял её руку — осторожно, как хрупкую вещь, поднёс к своим губам и коснулся ими пальцев.

Элин забыла, как дышать.

Внутри разливался жар — ей хотелось вырваться и с визгом убежать, и одновременно закрыть глаза и насладиться его прикосновением. Она чувствовала его дыхание на своей коже, шершавость его губ, и сердце колотилось, как воробей в силке.

Он поднял глаза и, заметив её смущение, будто опомнился. Откашлялся, отпустил руку, кивнул на тарелки.

— Приступим к ужину, — сказал уже более сухо. — Остынет.

Элин молча взяла вилку.

Еда была вкусной. Горячее мясо в каком-то пряном соусе, от которого щипало язык, мягкий, ещё тёплый, хлеб. Но она с трудом заставляла себя проглатывать очередной кусок — каждый нерв был натянут, каждый взгляд Бериона заставлял внутренности сжиматься.

А смотрел он часто. И пил вино, глаза его становились всё ярче.

Элин резко отодвинула тарелку, он спросил:

— Благодарю за приятный ужин.

Она встала, собралась уйти, но услышала, как он поднялся следом. Не оборачиваясь она направилась к дверям, он — следом, его гулкие шаги настигали.

— Не идите за мной, — попросила Элин, чувствуя, как голос дрожит.

— Почему же? — его ладонь легла ей на плечо.

— Вы меня пугаете.

Он тихо усмехнулся.

— А я думал, что ты больше боишься темноты.

Элин не успела ответить.

В этот момент другая рука обвила её талию, Берион подхватил её на руки, будто она весила не больше ребёнка, и понёс вниз по лестнице, в её спальню. Она вскрикнула, вцепилась в его рубашку, но он даже не замедлил шаг.

— Отпустите!

— Нет, — ответил он со странной немного хищной улыбкой.

Скрипнула дверь комнаты, а потом захлопнулась за их спинами, словно подписав приговор. Берион опустил Элин на кровать, навис сверху.

Элин взвизгнула, упёрлась ладонями в твёрдую, будто скала грудь. Её слабые ручки не сдержали бы его ни на миг, однако он замер, глубоко дыша.

— Ведь я твой муж. Не бойся... — сказал он, нежно проведя рукой по волосам.

Затем наклонился, грубовато и настойчиво целуя шею. Голос стал низким, вкрадчивым:

— Ты моя, Элин. Моя! Не сопротивляйся.

Она задрожала. Не только от страха — неожиданный жар разливался внизу живота и мешал думать, мешал понять.

Он чудовище — она заложница, не имеющая право сказать "нет". И тело её как будто уже с этим согласилось.

Берион не спрашивал, начал нетерпеливо расстёгивать её платье — крючки поддавались, ткань трещала. Вот уже шершавая ладонь коснулась её обнажённой кожи, он был так близко, что она почувствовала его запах. Горячий, властный.

По телу пробежала дрожь, заставив извиваться. Вдруг захотелось обхватить его руками и начать целовать эту грубую кожу.

*Что со мной? Моё тело — игрушка жестокого зверя.*

В этот момент, словно что-то внутри неё сломалось, и слёзы брызнули из глаз. Потекли по щекам, рыдания вырвалось из груди громким стоном, сотрясая плечи.

Берион замер. Отстранился. Он смотрел на неё, но не в глаза

## Гл

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.